

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО

«Он воевал стихом и песней»

Мы вот жили и совсем не знали,

Что весна на поле расцвела, —

Маленькая девочка в сандалиях

Нам её в корзинке принесла.

Ах, апрель, апрель голубоглазый! —

Не даёт он спать мне по ночам,

Хоть его весёлые рассказы

Только отголосками звучат.

Эта статья пришла ко мне неожиданно-негаданно. Сперва в День подснежника, 19 апреля, на глаза родным попалось трогательное стихотворение Михаила Исаковского. Оно пополнило плейлист в моём телефоне, куда я добавляю наши «поэтические минутки». Шло время. Как-то прослушав записи, сам не знаю почему, заинтересовался в интернете жизненными вехами, а следом и внешним видом автора приведённых выше строк. Так началась долгая, кропотливая и очень интересная работа по сбору информации о поэте, которого я никогда не воспринимал как товарища по несчастью.

В биографии Михаила Исаковского не было атак и окопов. Полуслепой сын крестьянина, на всех фото запечатлённый в очках, был белобилетником. Многие ошибочно полагали, что автор стихов к песням «Катюша», «Огонёк», «В лесу прифронтовом» — человек бывалый, наверное, боевой офицер, на собственном опы-

те познавший все стороны военного бытия. В действительности же он ни одного дня не служил в армии. Вместо литератора сражались его стихи. «Катюши» били по врагам реактивными снарядами, а бойцы, как заклинание, повторяли строки поэта: «Всё, что было загадано, всё исполнится в срок».

Михаил Васильевич родился 19 января 1900 года в деревне Глотовка Ельнинского уезда Смоленской губернии в бедной крестьянской семье. Из тринадцати детей выжили только пятеро. Мальчонка стремительно терял зрение. Родители были уже немолоды и очень боялись, что Минька останется «убогим сиротой» и пропадёт. Его отец в свободное от сельскохозяйственных трудов время подрабатывал почтальоном, благодаря чему маленький Миша имел доступ к газетам и журналам. Грамоту освоил при небольшой помощи родных. По воспоминаниям Исаковского, году в 1903-м его отец стал почтарём: их тогда избирали на волостных крестьянских сходах сроком на один год. Его ежегодно переизбирали до самой революции. Умел читать и старший брат, Павел, который устроился помощником писаря. Молодому человеку показалось, что фамилия Исаков звучит как-то несолидно, и он переделал её на польский лад в Исаковский. Такой вариант прижился в семье. Кстати, земляк и друг Михаила Васильевича поэт Александр Твардовский получил свою фамилию от деда, служившего в Польше.

Впоследствии Исаковский считал болезнь глаз самым большим своим несчастьем. Она преследовала его всю жизнь. Мешала учиться, работать, осуществлять намерения и замыслы, мешала чувствовать себя так, как другие люди. Родители стали замечать неладное, когда будущему поэту было лет семь-восемь, но они не знали, чем ему помочь. Кто-то им сказал, что от глаз надо оттянуть дурную кровь. На всякий случай решили попробовать: повели сынка вёрст за семь к бабке, и та начала «ставить на затылок пиявки». Не помогло... Отправлять его в московские «клиники» было не по карману. Показывать же докторам, которые, если верить молве, ходили из деревни в деревню и не столько лечили больные глаза, сколько выкалывали их какими-то острыми блестящими предметами, побаивались. Да и не знали точно, где в большом уезде их искать. Оставалось уповать на лучшее, на то, что всё как-нибудь уладится само собой. Только зрение становилось хуже и хуже.

Вот как сам Исаковский писал о том времени в автобиографической книге «На Ельнинской земле»: «Лет с двенадцати отец мой начал было приучать меня к косьбе. Он достал специально для меня очень маленькую косу. Но случилось непредвиденное. Однажды на нескошенном лугу возле орехового куста кто-то из мужиков оставил свою косу. В густой траве, лезвием вверх, а косьё было прислонено к кусту. Ничего не подозревая, я проходил мимо и совершенно голой пяткой наступил на

остро отточенное лезвие косы. После этого случая отец мой горестно решил, что с моим зрением косца из меня не получится. Становилось все ясней и ясней, что многое мне не по силам. Например, все деревенские мальчишки водили лошадей в ночное. А я не мог этого: я плохо видел, и потому мне крайне трудно было отыскать на пастбище свою лошадь, отличить от других лошадей, чтобы пригнать её домой».

Приведу и другой отрывок: «Врач (в Ельне), как мог, обследовал моё зрение, прописал мне очки и сказал, чтобы я вёл себя спокойно, не бегал бы, не прыгал, не поднимал тяжестей и тому подобное. Трудней всего мне было с очками. Когда я надевал их, то видел дальше и лучше, но всё мне представлялось в каком-то необычном, резком и неприятном свете. Главное, однако, заключалось в том, что я стеснялся, можно даже сказать, панически боялся ходить в очках, опасаясь насмешек и издевательств. Ведь в деревне никто очков не носил...».

В 1910 году по Глотовке пошёл слух, что неподалёку откроют школу и даже едет учительница. Вместе с другими ребятами записался и Миша. Проэкзаменовав детей, она взяла его сразу во второй класс, состоявший сплошь из переростков, и дала, как и всем, аж четыре учебника: русскую хрестоматию, книжку по грамматике, арифметический задачник и так называемую священную историю. Однако очень быстро выяснилось, что мальчик ничего не видит из написанного на доске. Ска-

зять учительнице о своём плохом зрении он, привыкший вслед за родными скрывать это, никак не мог. Думалось, что говорить о таком даже как-то стыдно, что она не поймёт и наверняка обругает: мол, зачем же ты в школу записался, сидел бы лучше дома, раз не можешь учиться. Он перестал посещать занятия, но после того как отец-почтарь откровенно рассказал Екатерине Сергеевне о причине этого, она разрешила Мише учиться дома. Вторично он поступил в школу только в следующем году с твёрдым намерением не бросать её. Много лет спустя поэт признавался: «Всем, чего я достиг, я обязан двум женщинам — моей матери Дарье Григорьевне и моей первой учительнице Екатерине Сергеевне Горанской». Она не махнула рукой на талантливое ребёнка: дошла до попечителя народного образования, и тот принял участие в судьбе Исаковского. Миша не только был зачислен на благотворительной основе в смоленскую частную гимназию, но и обследован у офтальмолога. Диагноз был неутешительный: хроническая близорукость с воспалением сетчатки. Со временем потеря зрения составит минус 26 диоптрий.

Осенью 1913 года юный Исаковский почувствовал: с глазами делается что-то совсем уже скверное. Откуда ему было знать, что произошло кровоизлияние в сетчатку — сначала в одном глазу, а через некоторое время в другом... Он лишь видел плавающие в поле зрения пятна, которые мешают смотреть, полностью или частично закрывают предметы.

«Радзвицкий, как и подобает врачу, осмотрел мои глаза снаружи, измерил остроту зрения, исследовал глазное дно, читаем в воспоминаниях.

— Так-так... — тихо заметил он про себя. И, не обращая ни малейшего внимания на то, что я, его пациент, нахожусь здесь же и всё слышу, сказал уже совсем громко, обращаясь к моему провожатому:

— Помочь ничем нельзя. Рано или поздно мальчик ослепнет. И чтобы он не стал обузой для своих родителей-крестьян, надо найти способ по возможности скорей определить его в школу слепых. Там он приобретёт какую-либо «слепую профессию» и будет зарабатывать себе на жизнь... Вы спрашиваете, можно ли ему учиться дальше? Нет, никоим образом... Да и зачем ему учиться?

Уходя от Радзвицкого, я хотел только одного: чтобы его предсказания исполнились не столь уж быстро, чтобы хоть немного я мог походить по этой земле, глядя на всё, что меня окружает, пусть уже больными, но всё же зрячими глазами».

Смоленского доктора, поведшего себя холодно и цинично, он больше ни разу не видел. Однако совершенно неожиданно встретился с его сыном, когда осенью 1915 года поступил в четвёртый класс частной гимназии. Молодой Радзвицкий оказался Мишиным одноклассником. Этот выхоленный и вылощенный юноша глядел на других высокомерно. Вместе они проучились два года. Исаковскому не запомнилось ни одного случая, когда бы

между ними завязался разговор. Конечно, он и словом не намекнул Радзвицкому, что отец того вынес ему «смертный приговор», несмотря на который он живёт и даже учится в гимназии. После Октябрьской революции одноклассник вместе со своей семьёй эмигрировал.

В гимназии Исаковский продолжал писать стихи. Только выучиться до конца ему не довелось: семья терпела большую нужду. Он оставил гимназию, уйдя из шестого класса. Тем не менее, на протяжении всей жизни занимался самообразованием, так как не мог продолжать систематическую учёбу из-за болезни глаз. Вскоре повзрослевший Миша навсегда покинул и Гло-товку, жил сначала в Ельне, потом в Смоленске, «а там — в Москве». Но никогда не забывал отчий дом и, как только предоставлялась возможность, приезжал хотя бы на несколько дней.

Осенью 1918 года начался длительный период журналистской работы Исаковского. Поэта притягивала революционная романтика. Правда, он несколько не походил на неистовых разрушителей старого мира, и путь ему был уготован не в ЧК, куда первоначально определила партия большевиков, а в газету. В Ельне он редактировал, на ходу участь этому делу, местные «Известия», писал статьи и фельетоны. В 1921 году вышли ранние сборники стихов Исаковского, однако началом своей поэтической работы он будет считать осень 1924 года. По меркам авангардных двадцатых Исаковский был махровым консерватором, литературным старове-

ром. Он словно явился из XIX века, где его окружали Кольцов и Некрасов, где звучали старинные крестьянские песни и городские романсы. В 1927-м вышла его книга с программным названием «Провода в соломе». Критика приняла её без энтузиазма, но Горький поддержал молодого автора.

В течение десяти лет Исаковский работал в смоленской областной газете. Твардовский писал: «...Редакция «Рабочего пути»... Низкие и тёмные комнаты её мне как-то нравятся. Там висит особый «редакторский» запах, запах чернил, бумаги, трескотня печатных машинок. И самое главное, добрые, улыбающиеся сквозь очки глаза Исаковского...». В начале 30-х Михаил Васильевич переехал в Москву по приглашению издательства «Крестьянская газета». В столице он редактировал журнал «Колхозник». Однако болезнь глаз прогрессировала, зрение падало. Исаковский принял решение оставить работу в издательстве, полностью сосредоточившись на литературном поприще.

Поэтическое дарование проявилось у будущего «смоленского соловья России» в раннем детстве, а лет с десяти или одиннадцати он стал чуть ли не единственным на всю округу «сочинителем писем». Способность сопереживать впоследствии помогла ему выработать в своём творчестве жанр лирического письма. Поэт вспоминал, что каждую зиму с нетерпением ждал тёплых дней, ждал лета. И когда оно приходило, он как бы пьянел от тепла и света, от синего неба, от таких «про-

сторных летних дней». О матери Исаковского говорили, что она знает много песен и хорошо может петь их. Он часто просил, чтобы она «сыграла» какую-нибудь. Она отказывалась, говоря, что не до песен ей теперь. Однажды, когда мать запела мягким, чистым и немного печальным голосом, Миша весь превратился в слух.

Характерной особенностью творчества Михаила Васильевича, кроме напевности слога и придания стихам формы писем, выступает преобладание звуковых и осязательных образов над зрительными. Последние если и присутствуют, то несколько размыто, неслучайно одно из любимых слов поэта — «туманы» («поплыли туманы над рекой», «и пока за туманами видеть мог паренёк»). Эта особенность была результатом плохого зрения литератора, но позволяла читателю почувствовать запах и вкус плодов (стихотворение «Вишня»), услышать звуки гармони, которая «словно ищет в потёмках кого-то».

Больше ста стихотворений Исаковского превратились в песни. Композиторы сами обращались к его певучим строфам. Первым эту музыкальность его сочинений слышал руководитель Хора имени Пятницкого Владимир Захаров. Однажды он случайно наткнулся на стихотворение, в котором актуальность сочеталась со старорусской напевностью:

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;
Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда;

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне.

В итоге хор записал эту песню, а Захаров даже не известил автора стихов о созданной им композиции. Задорную мелодию со странно знакомыми словами Исаковский услышал опять-таки случайно, в кинозале. Интересно, что именно тогда Хор имени Пятницкого впервые в своей истории взял в репертуар авторскую, а не русскую народную песню.

С середины 30-х годов песни на стихи Исаковского — «Вдоль деревни», «И кто его знает...», «Провожанье» — приобретают всесоюзную известность. Поэт стал для читателей-слушателей добродушным собеседником, умеющим поддержать и посочувствовать. Знаменитая «Катюша» также была написана до войны. Сперва Михаил Васильевич сочинил всего восемь строчек о девушке, которая вышла весной на речной берег и запела о любимом. А дальше дело застопорилось... Вскоре после этого в редакции газеты «Правда» он познакомился с Матвеем Блантером. Тот поинтересовался, нет ли у Исаковского каких-нибудь готовых стихов для песни. Готового ничего не было, но поэт вспомнил о тех самых восьми строчках, отложенных в долгий ящик. Он показал Блантеру начатую накануне «Катюшу», особенно не надеясь, что из этого может получиться что-то путное. Вдохновлённый композитор быстро написал на имевшиеся стихи знакомую каждому мелодию. Музыка не хватало слов. Блантер проявил настойчивость, а в ка-

честве дополнительного аргумента отметил, что в Москве создан Государственный джаз-оркестр СССР, для дебюта которого выбрана «Катюша». Премьера состоялась в Колонном зале Дома Союзов в 1938 году. Так Исаковский обрёл соавтора и друга. В самом начале Великой Отечественной войны они создадут песню «До свиданья, города и хаты», ближе к Победе — «Под звёздами балканскими». А популярность «Катюши» шагнёт далеко за пределы Советского Союза.

Через полвека, летом 1985 года, в посёлке Восток на Смоленщине был открыт Музей песни «Катюша». Разместился он в Доме культуры, построенном на средства самого поэта от полученной им в 1943-м Сталинской премии. Экспозиция музея располагается в четырёх залах. Один из них так и называется — «Рабочий кабинет поэта». В нём собраны личные вещи Исаковского, предметы обстановки, книги и фотографии с дарственной надписью, записные книжки, сувениры. На письменном столе поэта — его печатная машинка, раскрытая кожаная папка с черновыми листками, где крупным почерком написаны строчки стихотворения, очки, телефон. Все вещи расставлены и развешаны на стенах точно так, как при жизни Исаковского в его московской квартире. За этим письменным столом поэту хорошо работалось: приходили идеи, слагались хорошие стихи. Отдельный зал полностью посвящён легендарной песне «Катюша», сохранилось более ста вариантов переделок. Правда, мемориальный музей теперь носит

имя её автора. В трёх километрах от него, на крутом берегу реки Угры, размещена символическая композиция «Катюшин берег». Памятник простой, незатейливый, но очень символичный. Часть сруба под крышей означает, что всё начинается с отчего дома, с родного порога. Рядом камень в 12 тонн — как символ вечности. Раздвоенный ствол дерева — это лира, знак поэзии, или возведённые к небесам руки — каждый расценивает по-своему. Как известно, второе дыхание песня обрела во время Великой Отечественной войны. Летом 1941 года на железнодорожном узле Орша батарея капитана Флёрова опробовала новое оружие — БМ-13. Стреляли пусковые установки с высокой крутой горы. У бойцов тут же возникла ассоциация с высоким крутым берегом в любимой песне. Через узел связи штабной роты новость о чудо-оружии, названном «катюша», стала достоянием 20-й армии, а через её командование — и всей страны.

Осенью 1941 года группа московских писателей, поэтов и артистов вместе с их семьями была эвакуирована в город Чистополь. Именно там Исаковский написал стихотворение, на основе которого потом родилась песня «В лесу прифронтовом». Впервые проникновенные строки были напечатаны в газете «Красная Татария». Михаил Васильевич писал: «Стихи написаны на Каме, когда шёл второй год войны. Работая, представил себе русский лес, чуть-чуть окрашенный осенью, тишину, непривычную для солдат, только что вышедших из

боя, тишину, которую не может нарушить даже гармонь».

С берёз, неслышен, невесом,
Слетает жёлтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Поэт послал стихи старому товарищу Матвею Блантеру, и спустя несколько месяцев услышал песню по радио. Композитор вспоминал: «И вот в 1942 году получаю от Исаковского письмо: «Матвей, я написал стихи. Может, этим обеспечу хоть какое-то участие в войне». С первых же фраз было ясно — стихи стоящие. Так появился вальс...».

Евгений Долматовский вспоминал, что в 1942 году он приехал повидаться со своей семьёй в невеликий тогда городок Чистополь, где находились в эвакуации старые писатели и семьи многих писателей-фронтовиков. Вечером он заглянул к Исаковскому на чаёк. Оказалось, что у него за столом уже сидит Борис Леонидович Пастернак. Перед ними на тарелке лежали медовые соты: Исаковский пошутил, что купил их на базаре «исключительно, чтобы ускорить приобретение пасечником самолёта или танка для фронта». Они попросили гостя рассказать обо всём, что там — под Москвой и Харько-

вом. Пастернак вздыхал, мычал и ахал, а Исаковский проявил удивительное знание фронтовых дел, куда более подробное и точное, чем впечатления Долматовского. В ту пору одному из них только шёл пятый десяток, а другому — шестой. Оба были почти насильно увезены от опасности, считали, что с ними поступили несправедливо, тяжело переживали свою физическую немощь и удалённость от событий войны. Это их и сближало. Исаковский, полуслепой долговязый человек, был совершенно бесполезен в боевой обстановке, поскольку ничем, кроме удобной мишени для врага, служить не мог. У него была другая возможность воевать, и он её блестяще использовал. Он воевал стихом и песней. Многие читатели-воины и читатели в тылу были уверены, что поэт находится на фронте. Песни были его представителями. Был у него на войне и личный представитель — его земляк и друг Александр Твардовский.

В своей статье литературовед Лев Аннинский писал: «Отрезанный от фронта из-за болезни глаз, Исаковский в заметённом снегами Чистополе греет озябшие пальцы о кружку с кипятком и ловит по радио еле слышные последние известия. Он живёт «от сводки до сводки». Тем поразительнее фактурная точность его боевых стихов. В отличие от других стихотворцев, которые писали во фронтовые газеты в расположении войск, а потом отбирали для итоговых книг крупницы настоящей поэзии, отделяя её от боевой сиюминутности торопливых откликов, — военная лирика Исаковского вся ложится в

золотой фонд народной памяти. Чуть не каждое второе стихотворение подхватывается, становится песней, звучит на всю страну».

После Победы, в 1945 году, появилось стихотворение «Враги сожгли родную хату». Оно попало на глаза Твардовскому, и тот посоветовал Блантеру положить его на музыку. Первоначально эта идея не нашла понимания у Исаковского, считавшего стихотворение слишком длинным для песни, но композитор сумел его переубедить. По радио песня прозвучала лишь однажды. Считалось, что после войны советский солдат должен радоваться Победе, а не горевать. Вновь она прозвучала спустя 15 лет в исполнении Марка Бернеса. Сохранилась телезапись, на которой он поёт:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Фронтвики всей страны восприняли песню, как отголосок собственной трагической судьбы. Слезы и овации сопровождают её многие десятилетия.

Есть во Восточном районе деревня такая,
Где оставил я детство своё.
И, куда б я ни шёл, мне звучал, не смолкая,
Тёплый ласковый голос её.

Так Исаковский вспоминал малую родину. Глоток был полностью уничтожен немцами во время войны.

Внучка поэта Татьяна Никандровна Шаперина вспоминает, что Алексея Маресьева (прототипа произведения Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», жившего в Москве в одном подъезде с Исаковским), она воспринимала как легенду, а вот автора «Катюши» — просто как деда. 16-летняя Таня показывала ему свои первые стихи, но Михаил Васильевич посоветовал наследнице не заниматься «бумагомарательством», поскольку плохих поэтов в Советском Союзе и так избыток. Он был страстным книголюбом и неутомимым правдоискателем, строгим критиком в отношении собственных и чужих стихов. «Сложная болезнь глаз отягощала часы, проводимые им за письменным столом, — вспоминал Евгений Долматовский. — Может быть, поэтому он оттачивал каждую строчку и всё стихотворение устно, а точнее, в уме, решал сначала стихотворение, как сложную задачу. Известно, что решённую задачу записать совсем нетрудно, важно решить».

Композитор Новиков привёз из ГДР специально изготовленные для Исаковского большие тяжёлые очки, напоминавшие бинокль. Пользоваться ими было нелегко, но поэт только разводил руками: «А что ещё придумаешь, если у меня такие глаза». До последних дней Исаковский сохранил внимательность к окружающему миру и тягу к просвещению, которую проявлял когда-то весьма смыслёный мальчишка в лаптях, напоминавший толстовского Филипка.

В наше время его назвали бы вундеркиндом. Несмотря на свою близорукость и малограмотность родных, он увлёкся книгами, слышанные сызмальства народные песни подхватил не голосом, а словом. Явившись босым на выпускной экзамен земской школы, прочёл изумлённым наставникам собственное стихотворение о своём полном тёзке Ломоносове. В 1914 году одно из его детских произведений под названием «Просьба солдата» было напечатано в московской газете «Новь»:

Светит солнца луч
Догорающий...
Говорит солдат
Умирающий:
«Напиши, мой друг,
Ты моей жене:
Не горюет пусть
О моей судьбе».

Постарались учителя, пославшие в редакцию более или менее удачные пробы пера подростка из крестьян. Фольклорные интонации хорошо узнаваемы, очевидно родство с классической солдатской или ямщицкой песней. В этих простодушных строках уже слышится будущая лирика Исаковского. Поэт переживёт не одну войну. Тогда, в начале Первой мировой, на волне патриотического подъёма в газетах появлялись бравурные стихи о скорой победе, а неизвестный юный автор неожиданно выступил с печальным напевом. На войне

никуда не уйти от страха смерти, и единственное, что спасает от малодушия, — это ясное, как в песнях Исаковского, сознание своей ответственности за благополучие Родины и тех, кого ты любишь. Эту простую истину приняли и разделили все соотечественники, взявшие в руки оружие.

Дмитрий Гостищев